

„Я знал Вертинского“

— Вся надежда на вас, — начальник управления культуры города Читы вручил мне телеграмму: «Прошу Александра Николаевича Вертинского дать в Чите два концерта, а затем следовать в Москву». И подпись — председатель комитета по делам искусств Б. Храпченко.

— Ну, а я-то здесь при чем? — никак я не могу взять в толк.

— Будете аккомпанировать Вертинскому....

С РАССКАЗА об этом эпизоде началась наша беседа с Михаилом Борисовичем Брехсом, человеком, близко знавшим артиста. В 1943 году он выступал с концертами на Дальнем Востоке — здесь его и застала телеграмма.

— Невозможно себе представить, что я испытал в те минуты, — продолжает М. Брехс. — Через несколько дней собирался в отпуск к родным, а тут такое дело — Вертинский! Как потом узнал, Александр Николаевич только что вернулся из эмиграции, из Шанхая. И сразу стал подыскивать себе пианиста. Перебрал их с пяток и всеми остался недоволен. И надо же, в этот самый момент в город приезжает я! Местное начальство за меня сразу же обеими руками ухватило — предлагать-то Вертинскому больше некого было...

С тех пор я так и работал с Александром Николаевичем, до самой его смерти.

— Михаил Борисович, насколько мне известно, песни Вертинского во время его эмиграции были в нашей стране под запретом. В то время нарастала другая, пролетарская музыка. Возникали различные общества, такие, как «Ассоциация современной музыки», «Производственный коллектив». Они до хрипоты спорили о том, как и что петь строителям нового общества. Предлагали возмечивать в песнях успехи технического прогресса, героики трудовых будней. Разумеется, Вертинский не вписывался в этот ряд.

— Да что говорить о Вертинском, когда идейно чуждыми считались оперы «Кармен», «Травиата», «Евгений Онегин». До встречи с Александром Николаевичем я много слышал о нем — что

он прекрасный певец, актер. Но никогда не слышал, как он поет, — не было возможности. Конечно, его пластинки попадали в страну: контрабандой, в чемоданах с двойным дном, везли их отчаянные меломаны из-за рубежа. И крутили потом по домам, замкнув все замки да еще для верности накрывшись вместе с патефоном ватным одеялом, — не дай бог, кто-нибудь услышит! Так что, несмотря ни на какие запреты, о Вертинском помнили. Видимо, все-таки не может «пламенный мотор» заменить человеку сердце — он должен любить, страдать, откликаться на чужую боль.

А Вертинский как раз пел об этом.

— И все-таки непонятно, как певцу, бывшему четверть века в опале, в эмиграции, удалось с таким триумфом вернуться на Родину! Ведь многие не менее именитые его соотечественники, возвратившиеся из-за границы, закончили жизнь совершенно иначе.

— Это действительно объяснить трудно. Но ведь надо было и знать Вертинского — как горячо он любил Россию, как горько страдал без нее на чужбине. Кстати, покинул он Родину не по каким-то идейным соображениям, а если угодно — по юношескому безрассудству. Многие ли, например, знают, что из Румынии Александр Николаевич был выслан за симпатии к... Советской России.

Поселившись в Париже, Вертинский много гастролировал, объездил всю Европу, побывал в Америке. И хотя артист знал много иностранных языков, пел он только на родном — на русском. Во время одной из таких поездок Александр Николаевич встретился в Варшаве с советским послом Войковым. Очень

просил его помочь вернуться в Россию. Тот обещал похлопотать, но на этом дело и закончилось. Через несколько лет, уже в Берлине, Вертинский добывается приема у Луначарского. Просьба та же. И вновь, после некоторых проволочек, — отказ.

— И все-таки ему удается вернуться на Родину.

— Да. Но кто знает, как бы сложилась его судьба, если бы не случай. Где-то в году 35-м Вертинский отправился на гастроли в Японию и Китай. Когда он выступал с концертами в Шанхае, началась японская интервенция, и певец оказался прикованным к этому городу на долгих восемь лет. Там-то его однажды и встретил советский посол. На вопрос: «Почему ты здесь?» — Вертинский, грустно улыбувшись, ответил: «Кланялся два раза, да вот только шишки набил».

— А сколько раз вы можете поклониться родной матери?

— Сколько угодно.

— Так вот, Александр Николаевич, кланяйтесь еще...

И, представьте, через несколько месяцев Вертинский получил разрешение на въезд в Советский Союз. И свой первый концерт в Москве, в Центральном Доме актера, певец начал словами Тургенева — что Россия может обойтись без каждого из нас, но никто из нас не может обойтись без нее.

— Чем, на ваш взгляд, можно объяснить феномен Вертинского? Ведь пел он в одно время с такими замечательными мастерами, как Владимир Козин, Изабелла Юрьева, Тамара Церетели, Петр Лещенко... Романсами в их исполнении до сих пор заслушиваются любители музыки. И все-таки Вертинский занял свое, особое место.

Секрет прост — у Вертинского был «небольшой голос». Пробелы в вокальном искусстве он заполнял высоким мастерством актера. Волшебная игра

рук, которой так восхищался Качалов, неподражаемая мимика, проникновенные интонации, тонкое знание человеческой души делали его песни непохожими на другие. На глазах восхищенной публики рождался новый песенный жанр — песни-раздумья, песни-монологи. Да и вообще Вертинский не пел в привычном смысле слова — он как бы наговаривал текст под музыку, размышлял под нее. Кстати, истоки современной бардовской музыки надо искать как раз в творчестве Вертинского. Наверно, потому его песни близки нам и сегодня.

— Не могли бы вы рассказать, как певец пришел на эстраду. Уверен, мало кто знает эти страницы из его биографии.

— Как и многое в жизни Вертинского, все предопределил случай. От рождения он страдал дефектом речи — плохо выговаривал букву «р». А мальчику очень хотелось играть на сцене. Но из-за картавости в театр он так и не был принят...

И вот однажды в Москве, отчаянно бедствуя, Вертинский зашел в небольшой театрик «Нинина и Петипа» и предложил там спеть две песенки на только что сочиненные им стихи. Хозяйка послушала его и пригласила выступать в вечерней программе. К ее удивлению, молодой человек поставил неперемные условия — пять он будет только в костюме Пьеро, на него должны быть навешены два прожектора, чтобы не видеть зала, а занавес за спиной надо обязательно зашторить. Оказывается, он очень стеснялся публики. Премьера прошла с успехом. На следующий день в театре не было ни одного свободного места. Хозяйка заведения стала подкармливать Вертинского, а затем и платить ему. Но настоящая слава к певцу пришла несколько позже. Однажды утром, листая «Московские ведомости», он, к своему удивлению, наткнулся на статью «Александр Вертинский» и внизу подпись — Влас Дорошевич. О молодом

певце заговорила вся страна, посыпались заманчивые предложения. Так в один день Вертинский стал знаменитостью. Шел 1916 год.

— Бремя славы нести нелегко. Как отнесся к своему успеху Вертинский? Каким он был в жизни? Вы проработали с ним бок о бок четырнадцать лет, и кому, как не вам, знать об этом.

— В двух словах не скажешь. Александр Николаевич был человеком сложным. Отношения с людьми у него складывались по-разному. Например, он очень любил Козловского, Лемешева, Качалова, но с пренебрежением относился к Петру Лещенко — считал его кабацким певцом. Хотя в тяжелые времена в Шанхае ему тоже приходилось выступать в ресторане, и утешал он себя лишь тем, что собиралась там изысканная публика, а на столы, кроме фруктов и шампанского, ничего больше не подавали.

Вы удивитесь, если я скажу, что Александр Николаевич не знал нот, не умел играть ни на каком инструменте. Зато он был прекрасным мелодистом. И не раз мне приходилось вскакивать среди ночи и бежать к нему, чтобы записать на бумагу только что родившуюся в его душе мелодию. Почти все песни, а их в репертуаре Вертинского было более двухсот, написаны на его стихи. Правда, пел он и Ахматову, и Северянина, и Блока, и Есенина. Это были его любимые поэты.

Громких званий Вертинский не носил, но популярность его от этого не страдала. Однажды, когда его выдвинули на Государственную премию, его попросили заполнить анкету.

— Вы кто — народный, заслуженный? — спросила девушка, оформлявшая документы.

Вертинский посмотрел на нее удивленно и сказал:

— Ах, душенька, у меня ничего нет, кроме мирового имени.

Александра Николаевича не стало во время гастролей в Ленинграде.

Беседу вел
И. БАРАНОВСКИЙ.